

ОТЗЫВ

официального оппонента

д.и.н., доцента И.С. Филиппова

на диссертацию Мастяевой Ирины Николаевны

«Образ новicia в нормативных и духовно-назидательных текстах Западной Европы XII в.»,

представленную на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация И.Н. Мастяевой посвящена важной проблеме, почти не изучавшейся в отечественной историографии. Речь идет о своеобразном переформатировании католического монашества с конца XI и в течение XII вв., вызванного радикальным пересмотром прежнего подхода к пополнению монашеского корпуса. Этот пересмотр выразился прежде всего в создании института новiciaта, предусматривающего обязательный подготовительный этап в жизни взрослого человека, сделавшего сознательный выбор в пользу монашества. Этот этап длился, как правило, три года, которые новicia проводил в монастыре на особом положении под неусыпным контролем со стороны старших братьев и предполагал серьезную многоплановую трансформацию мирянина в монаха. Ранее ряды монашества пополнялись в первую очередь за счет детей-облатов, подаренных родителями Богу и потому не принимавших самостоятельного и осознанного решения уйти в монастырь, заметно реже — за счет взрослых людей, пожелавших принять сан. Их, разумеется, знакомили с монастырским уставом и монастырским укладом, но ни по продолжительности, ни по интенсивности подготовки к новой жизни это знакомство было несопоставимо с тем, что получали новicia. Это нововведение, в числе других, которыми была отмечена эта эпоха, повлекло за собой серьезные изменения в повседневной жизни,

духовном мире и ментальности монашества, что в свою очередь сказалось на облике католической церкви в целом.

Эту проблему автор изучает на материале французских, немецких и английских источников указанного или немного более позднего времени. Упор сделан на нормативных текстах (монастырских уставах разных орденов и обычаях той или иной обители) и духовно-назидательных сочинениях церковных писателей, в т. ч. влиятельных богословов. Привлечены также некоторые агиографические тексты и собрания писем нескольких авторитетных церковных деятелей. Таким образом, источниковая база исследования шире, чем это следует из названия диссертации. География и набор выбранных источников в целом достаточны для изучения сформулированной проблемы, особенно если учесть, что в названии речь идет не о новициате, а об образе новicia — таком, каким он предстает в нормативных и духовно-назидательных текстах.

В отечественной историографии проблема становления новicia до сих пор не была предметом специального изучения, хотя и затрагивалась, но не более того, в некоторых общих работах по истории католической церкви, хорошо известных автору. Зарубежная литература, напротив, очень обширна и разнообразна при том, что, насколько я могу судить, монография по этой теме имеется всего одна, опубликованная в 2008 г. Мирко Брайтенштайном из Дрездена, и И.Н. Мастяева ее не раз упоминает, как и другие его работы. Однако различные аспекты истории новicia исследовались во многих трудах по истории Церкви, тех или иных монашеских орденов и даже конкретных монастырей, также во множестве статей, наконец в вводных разделах публикаций источников. Освоить всю эту литературу крайне затруднительно, иногда попросту по привходящим техническим причинам, которые вряд ли правильно игнорировать, поэтому не приходится удивляться, что в библиографии диссертантки есть пробелы. В основном это касается немецких изданий, но я предполагаю, что они будут отмечены вторым

оппонентом, в данном случае гораздо более компетентным. Со своей стороны укажу всего на одну, но досадную лакуну во французской историографии: издания, вышедший в свет в 1974 г., написан признанным специалистом по истории монашества Ж. Урлие (Hourlier) и озаглавлен *L'âge classique 1140-* внушительный объем специальной научной литературы, в т. ч. изданной совсем недавно, на английском, немецком и французском языках. На мой взгляд, и сам объем этой литературы, и основательность ее изучения, о которой можно судить и по качественному обзору историографии, и по отдельным замечаниям, содержащимся в других разделах диссертации, вполне достаточны для успешного изучения избранной темы.

Помимо вводной части, заключения, библиографии и двух приложений диссертация состоит из трех глав. Первая посвящена истории возникновения новициата с акцентом на статусе новicia и его отличии от статусов монаха, облата и конверса, на возрастных и иных требованиях к кандидату в новicia, на ритуале приема в новicia, на организации и содержании его подготовки к принятию монашеского сана, а также на неофициальной иерархии среди новiciaев, обусловленных возрастом, уровнем грамотности и степенью обучаемости, наличием или отсутствием сана (новiciaми становились не только миряне, но и монахи из других обителей, тем более принадлежащие к другим орденам, поскольку им предстояло освоить обычаи данного монастыря), наконец длительностью пребывания в статусе новicia. При этом автор анализирует различные подходы к этим вопросам в разных монашеских орденах, а также у уставных каноников (о которых при изучении новiciaта часто забывают), что можно только приветствовать. К сожалению, почти ничего не сказано о социальном происхождении новiciaев; говорится лишь, что в парижском аббатстве Сен-Виктор настаивали на том, что благородное происхождение и богатство не являются достаточными аргументами для

принятия в новиции (с. 47). Вполне вероятно, что изученные соискательницей тексты не содержат сведений о социальном происхождении новициев, но, похоже, что этот вопрос ее вообще не очень интересует, на что, впрочем, она имеет полное право.

Во второй главе, с опорой преимущественно на нормативные источники, исследуется повседневная жизнь новиция в монастыре, прежде всего с точки зрения отличий его расписания, допускаемых передвижений, занятий, форм общения, круга чтения, духовных практик и поведения в целом от тех, что были предусмотрены для монахов. Особое внимание уделяется различным методам приучения новициев к принятой в монастыре дисциплине, в т. ч. к беспрекословному послушанию по отношению к старшим, начиная со специально прикрепленного к новициям наставника, к возможно более частому воздержанию от речи и к освоению общения с помощью специально разработанных жестов. В заключительной части главы рассматривается система наказаний новициев за совершенные ими проступки.

В третьей главе анализируются общая установка на формирование личности будущего монаха и способы ее реализации. В отличие от первых двух глав, построенных в первую очередь на материале нормативных текстов, в этой главе автор опирается в основном на данные дидактических трактатов известных идеологов монашества, таких, как Гуго Сен-Викторский, Бернард Клервоский и Элред из Риво, также на данные не менее дидактических писем некоторых из этих идеологов, реже — на данные агиографических текстов. Привлечение этих источников, сравнительно редко используемых в работах о новициате, позволило автору выйти за пределы изучения преимущественно институциональных аспектов истории этого института. Точности ради следует сказать, что в этих источниках речь идет в основном о воспитании «дисциплины духа» не новициев, а собственно монахов, но поскольку новициев готовили к тому, чтобы они стали носителями именно этой дисциплины, обращение к этим источникам оправдано. Другое дело, что

образ идеального монаха, в отличие от образа идеального новicia, достаточно хорошо изучен.

Еще одно соображение о выводах автора в третьей главе. В сочинениях изученных диссертанткой церковных писателей (Петра Целлийского, Бернарда Клервоского, некоторых других) важное место занимает *caritas* — христианская любовь, что характерно для большинства церковных писателей всех времен. Но в изученных И.Н. Мастяевой текстах любовь наряду со страхом и стыдом является также одним из трех главных регуляторов поведения монаха и новicia и одновременно третьей ступенью достижения дисциплины духа. См., например, с. 122: «Страх, стыд и любовь становились тремя ключевыми ступенями в процессе преобразования личности» (с. 122). Но при внимательном чтении диссертации выясняется, что существует и четвертый регулятор, видимо, и четвертая ступень — совесть. Приведу три ярких примера: «На смену педагогике устрашения приходит педагогика совести» (с. 109), «Стыд в монашеской культуре XII в. — это не только форма внешнего социального контроля, но и глубинное чувство внутреннего расхождения с духовным идеалом. Это восприятие восходит еще к Григорию Великому, который видел в стыде знамение пробужденной совести» (с. 116), «стыд — внутренняя граница (чего? — И.Ф.), обостряющая совесть» (с. 122). На мой взгляд, автору следовало бы уточнить соотношение понятий «стыд» и «совесть» в исследованных ею текстах. Это ведь очень важный вопрос в истории культуры. Достаточно вспомнить тезис о том, что есть цивилизации стыда, а есть цивилизации совести.

Подводя итог главным выводам, сделанным в трех центральных разделах диссертации, выскажу еще два общих соображения.

Первое. Жаль, что И.Н. Мастяева ограничилась изучением истории мужского новiciaта. Анализ материала о женском новiciaте не только бы дополнил картину трансформации католического монашества в XII в., но,

вероятно, позволил бы увидеть в новициате какие-то новые черты. Но я понимаю доводы автора: в силу особого статуса женщины в средневековом обществе формы монашеского наставничества, как и дисциплинарные практики имели, насколько известно, серьезные отличия. Кроме того, изучение истории женщин-новицьев потребовало бы изучения существенно другой научной литературы, в т. ч. по гендерной истории. Возможно, все еще впереди.

Второе. Значительная и, пожалуй, наиболее интересная часть выводов диссертантки сделана с опорой на нормативные тексты. Это очень ценные источники, но, работая с ними, нельзя забывать об их специфике. Прописанные в них нормы отражают не только, а зачастую и не столько реальную практику, сколько то состояние дел, о котором создатели этих текстов мечтали и которого хотели добиться. Поэтому нередко нормативные тексты, хотя и содержат сведения о наказаниях за совершенные проступки и преступления, рисуют слишком благостную или нечеткую картину, так что вопрос о том, «как оно было на самом деле», совсем не праздный. Ответить на него, как обычно, очень непросто. Многие упирается в поиски дополнительных источников, которые могут и не найтись, но даже некоторые церковные писатели, с чьими текстами работала соискательница, в пылу полемики между монашескими орденами оставили свидетельства о совсем не благостном поведении своих оппонентов. Правда, насколько мне известно (это не тот материал, который я знаю лучше всего), в этих свидетельствах речь идет не о новициях, а о состоявшихся монахах.

Знакомство с диссертацией И.Н. Мастяевой не оставляет сомнения в том, что она глубоко погружена в избранную ею проблематику, хорошо разбирается в ней и ею искренно увлечена. Ясно также, что она много и честно работала над своим текстом, и результат не может не радовать. Издание его, разумеется, при некоторой доработке в виде книги следовало бы всячески приветствовать, поскольку ничего сопоставимого на эту тему на

русском языке нет, и многие, в т. ч. профессиональные историки, прочитают ее с интересом и благодарностью. Я сам узнал из этой диссертации немало полезного. При этом данный текст никоим образом не является банальным повтором текстов, написанных ее западными коллегами. Хотя соискательница нередко опиралась на их публикации, это, безусловно, самостоятельное исследование, написанное на материале многочисленных и разнообразных источников на латинском языке. И в значительной мере это взгляд на мир католической церкви извне. Тем не менее, диссертации И.Н. Мастяевой, как и всякой другой работе, присущи некоторые недостатки, которые нетрудно исправить в дальнейшем, но сейчас они бросаются в глаза.

Несмотря на то, что диссертация посвящена «образу новиция», в тексте редко анализируются литературные средства создания этого образа в изучаемых ею текстах. Речь идет прежде всего о топосах библейского и святоотеческого происхождения, недостаточное внимание к которым помимо всего прочего мешает оценить оригинальность идей, сформулированных ее авторами. В работе мало библейских аллюзий (вряд ли больше десятка) и почти все они встречаются в третьей главе. Соискательница не всегда отмечает библейское происхождение даже очень важных для ее рассуждений понятий, например, *homo interior* (Рим. 7.22; Еф. 3.16), *timor Domini* (Пс. 110.10). Предполагаю, что аллюзии к текстам более ранних христианских писателей в ее источниках также встречаются, но я не занимался их выявлением.

При том, что жизнь в монастыре строится вокруг литургии, в работе И.Н. Мастяевой она занимает менее важное место, чем того заслуживает. Автор приводит общие сведения о расписании монашеских суток, которому подчинялись и новиции, но не оговаривает соответствующие различия в литургии разных монашеских орденов. Скорее всего диссертантка владеет этим материалом, хорошо изученным в научной литературе, но не всегда делится своими знаниями с читателем. Без пояснения остаются также

некоторые термины, которые явно следовало пояснить, например, «все праздники девяти чтений» (с. 90).

Многие специальные термины, относящиеся к Средневековью, доходчиво разъяснены в Приложении 2. При этом автор иногда злоупотребляет словами, пришедшими к нам из западноевропейских языков и еще не утвердившимися по-настоящему в русском языке. Это прежде всего часто встречающееся слово «аффект» и его производные («аффективная модель», «аффективное измерение воспитания», «лестница аффективного формирования»). На мой взгляд, в большинстве случаев его вполне можно заменить словом «чувство». Хорошо прижившимся в русском языке словом «формирование» автор, пожалуй, тоже злоупотребляет («субъект духовного формирования» — с. 5). Почему бы не сказать «воспитания»? Иногда вместо слова «педагогический» просится слово «психологический» («телесные и педагогические аспекты» — там же). Иногда налицо перенос лексических конструкций из других языков. Под «канонической средой» (с. 28) автор понимает «среду каноников», под «канонической идентичностью» (с. 34) — «идентичность каноников». Справедливости ради, таких случаев немного.

В целом работа хорошо написана, соискательница явно старалась. Но встречаются и стилистические сбои, самые разные вплоть до «телесного надзора» (с. 6) и невероятной фразы «настоящее исследование следует этой исследовательской перспективе» (там же). Сбоев немало, хотя и не таких впечатляющих, особенно во вводной части. Первая и вторая главы, в меньшей мере третья глава написаны и вычитаны заметно лучше. Пожалуй, этим замечанием я и ограничусь.

Выходя за рамки стиля, отмечу три ошибки, странные для человека, хорошо знающего французский язык. Существительное *coutumier* все-таки мужского рода и пишется без буквы «е» на конце (с. 17, 18, 19 et passim). Французская фамилия *Cochelin* (с. 18) читается Кошлен, а не Кошелен, разве

что так произносит ее тот, кто ее и носит. Название бургундского местечка Monceaux-le-Comte (с. 20) следует читать и писать по-русски Монсо-ле-Конт, а не Монсо-ле-Комт. К сожалению, в диссертации немало опечаток и технических погрешностей, притом самых разных: лишние буквы, недостающие буквы, не те буквы, пробелы посередине слова, нарушения в согласовании слов. Их не так много, но и не так уж мало, особенно во введении. Не знаю, как это объяснить, тем более что очень непростую работу по выверке латинских цитат в примечаниях диссертантка выполнила тщательно. За редкими исключениями оформление многочисленных примечаний на разных языках также сделано в соответствии с установленными правилами. С удовольствием отмечу, что переводы цитат на латыни (а это очень непростая работа) также выполнены вдумчиво и качественно. Отдельные шероховатости не в счет.

Сделанные замечания никак не умаляют, тем более не перевешивают очевидные достоинства данной работы и скорее являются рекомендациями на будущее. Диссертация И.Н. Мастяевой является важным, самостоятельным, в научном отношении актуальным и завершенным исследованием, вносящим весомый вклад в изучение католического монашества и религиозной культуры Западной Европы XI-XII вв. Она существенно обогащает и конкретизирует наши представления об истории католической церкви и средневекового западноевропейского христианства в целом. Основные положения и выводы диссертационного исследования хорошо обоснованы и подтверждены многочисленными и убедительными цитатами из большого количества оригинальных источников на латинском языке, а также не вызывающими сомнения ссылками на обширную специальную литературу на русском и основных западноевропейских языках. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Диссертация соответствует требованиям пунктов 9-15 действующего «Положения о присуждении ученых степеней». Соискательница, несомненно, заслуживает присуждения ей ученой степени

кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история (Средние века).

Официальный оппонент,

доктор исторических наук (07.00.00 – Исторические науки и археология),

профессор кафедры истории Средних веков

исторического факультета ФГБОУВО Московский государственный

университет им. М.В. Ломоносова

И.С. Филиппов

Адрес места работы:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

т.: 8-495-939-35-66; электронная почта: hist@msu.ru

Дата: 13 октября 2025г.